

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 9

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АМЕРИКАНСКИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ
В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
УЧЕНЫХ СИБИРИ И ПРЕПОДАВАНИИ
В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»

Томск, 18–19 октября 2007 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ЖУРНАЛИСТИКОЙ: ФЕЛЬЕТОНЫ Ф.В. ВОЛХОВСКОГО В «СИБИРСКОЙ ГАЗЕТЕ»

Н.В. Жиликова

Томский госуниверситет

Синтез литературы и журналистики, характерный для России XVIII–XIX веков, способствовал развитию жанров, находящихся в переходном, «фронтирном» положении, между литературной и публицистической сферами творчества. Наиболее ярким примером такого жанра является фельетон: многочисленные исследования, посвященные этому вопросу (работы Журбиной, Михайловой, Сухомлина и других ученых¹), определяют *двойственную природу* этого художественно-публицистического жанра, и в этом сходятся и литературоведы, и исследователи журналистики.

В российской и сибирской журналистике XIX века фельетон занимал особенное место, поскольку он позволял затрагивать общественно значимые темы, критически оценивать происходящее, обходя с помощью приемов «эзопова языка» цензурные препятствия. Дань этому жанру отдали выдающиеся российские писатели и публицисты – А.С. Пушкин, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и многие другие. Сибирская журналистика также выдвинула из своих рядов незаурядных фельетонистов, и прежде всего Н.М. Ядринцева, основателя газеты «Восточное обозрение».

Одним из ярких явлений сибирской журналистики конца XIX века была «Сибирская газета», выходившая в Томске в 1881–1888 годах. Газета издавалась по широкой программе, включающей в себя передовые статьи, хронику русской, сибирской и иностранной общественной жизни, литературные обозрения, путевые очерки, беллетристику (стихотворения, рассказы, очерки) и так далее. Фельетон появился в газете на втором году издания (1882) в связи с усилением ее обличительной направленности, осознанием необходимости освоения сатирических жанров. Фельетон «Сибирской газеты» неоднократно привлекал внимание исследователей, во многом это связано с тем, что здесь как фельетонисты работали известные поэты, писатели, общественные деятели: Ф.В. Волховский, К.М. Станюкович, Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов.

Всего в «Сибирской газете» было опубликовано более 140 фельетонов – прозаических, поэтических, драматургических; с 1885 года параллельно с традиционным фельетоном здесь появляется раздел «Крапива» – своеобразная пародийная «газета в газете», состоящая из множества коротких сатирических материалов. В 1887 году «Крапиву» сменила «Сибирка», наследовав принцип полижанровой структуры и предельной лаконичности входящих в нее материалов. Фельетоны «Сибирской газеты» разнообразны по форме и по структуре, встречаются как законченные отдельные произведения, так и целые циклы, а в 1886–1888 годах здесь печатался роман-фельетон К.М. Станюковича «Не столь отдаленные места».

Наиболее известными были фельетоны Ф.В. Волховского – революционера-народника, поэта, человека высокой культуры и эрудиции, обладавшего несомненным эстетическим чутьем и даром художественного слова. С приходом его в 1882 году в редакцию «Сибирской газеты» фельетон претерпел качественные изменения и стал совершенно оригинальным литературно-публицистическим жанром издания.

Обращаясь к художественно-публицистическому наследию Феликса Вадимовича Волховского (1846–1914), необходимо отметить, что, хотя его имя можно найти практически во всех словарях и справочниках², а произведения Волховского неоднократно становились предметом научной рефлексии,³ в целом изучение жизни и творчества этого писателя и публициста ведется довольно бессистемно. До сих пор не издано ни одного собрания сочинений Волховского. В одних работах рассматривается его деятельность как революционера и поэта-народника⁴, в других – как неофициального редактора «Сибирской газеты»⁵. Есть отдельные публикации, касающиеся разных эпизодов жизни и творчества Волховского⁶. Однако нет работ, посвященных, к примеру, его сказкам – для детей и взрослых; практически не изучена деятельность Волховского в период его эмиграции за границу в конце XIX века. Наконец, довольно поверхностно исследован очень важный этап его публицистической деятельности – период сотрудничества с «Сибирской газетой» (Томск, 1881–1888).

Во время работы в «Сибирской газете» Волховский осмыслял накопленные в сибирской ссылке впечатления, которые не могли найти отражения на страницах общероссийских газет (прежде всего, конечно, по цензурным условиям). Он по-прежнему сотрудничал со столичными журналами, но посылал преимущественно рассказы и

очерки⁷, в то время как в «Сибирской газете» печатались его публицистические и художественно-публицистические произведения.

Необходимо отметить, что исследователи неоднократно обращали внимание на оригинальность жанра фельетона Волховского. Так, В.А. Доманский видит ее в «удачном сплаве прозы и поэзии»⁸, Л.П. Рощевская – в «продолжении лучших традиций сатирической журналистики 60-х годов – “Искры”, “Гудка”, “Свистка”»⁹ (действительно, известно, что стихи Волховского были одобрены В.С. Курочкиным)¹⁰. Но особенности творческой биографии Волховского дают еще один ключ к пониманию своеобразия его работы в жанре фельетона. До ссылки в Сибирь Волховский не был фельетонистом, он впервые стал писать фельетоны только в «Сибирской газете». В 70-х годах Волховский был известен в России, во-первых, как поэт-народник, автор сатирических стихотворений, а во-вторых, он много работал в жанре сказок для детей¹¹. Отсюда оригинальный синтез в его фельетонах публицистики, поэзии и сказки: с одной стороны, сатирической, типологически восходящей к создававшимся в это же время сказкам Салтыкова-Щедрина, а с другой – сказки волшебной, сказки для детей. Такое сочетание определило литературность, беллетристичность фельетонов Волховского, а также их огромный успех и популярность у сибирского читателя.

«Поэтическая составляющая» обнаруживается даже при беглом ознакомлении с фельетонами Волховского, которые в преобладающем большинстве представляют собой сплав прозаического текста и стихотворений. Стихотворные вставки представляют собой как законченные стихотворения, так и фрагменты, которые подчас трудно изъять из прозаического текста, так как они являются своеобразными эмоциональными акцентами фельетонов.

Однако поэзия в фельетонах Волховского – это не только стихотворения. В едких, саркастических, «обличительных» фельетонных текстах неожиданно появляются поэтические описания сибирской природы¹². Снежная равнина, которая разлеглась «безграничной пушистой скатертью», величественная сибирская тайга, небо с «изумрудными звездами», «миллионы волшебных радужных искр в каждой длинной снежинке» («Путешествие в глубь страны!» – 1882, № 47) – этот пейзаж, рисующий великолепия сибирской природы, оказывается резко контрастным фоном для рассказа о бесовских сибирских чиновниках, кулаках и купцах, ищущих во всем только свою выгоду, о равнодушных обывателях и так далее. Несомненно,

что введение в текст фельетонов поэтических отрывков оказывало большое эстетическое воздействие на душу читателя. С одной стороны, описания прекрасных пейзажей пробуждали чувство гордости за родной край и таким образом способствовали формированию регионального самосознания, а с другой – беллетризируя фельетон, усиливали эмоциональный контраст, противопоставление мира природы миру людей.

Сказочная основа фельетонов Волховского проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, в «Сибирской газете» публикуются его сказки (например, «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)» – 1883, № 1) и фельетоны, которые определяются самим Волховским как «новогодний фантастический рассказ» («Ночь на Новый год» – 1884, № 1), «новогодняя фантазия» («Маскарад» – 1888, № 1), – то есть сказочность, фантастичность повествования задается уже в подзаголовке. Обращает на себя внимание время действия в этих фельетонах – Новый год. С одной стороны, форма сказки выбирается Волховским в связи с новогодней традицией радовать своих читателей чем-нибудь необычным; с другой стороны, его привлекает этот переходный момент, от старого к новому, возможность охватить единым взглядом прошедшее и заглянуть в будущее. С этим временем связана и вера человека в чудеса, которые обязательно случаются на Новый год; в фельетонах Волховского герой действительно попадает в чудесные ситуации, встречается со сказочными персонажами – Временем, Старым годом, Новым годом, феями, волшебницами, чертями, Сибирью в образе прекрасной женщины и т.д. Тем не менее своеобразие этих сказок заключается в том, что сказочная форма здесь привлекается для решения задач фельетонного жанра, постановки общественных проблем.

Сказка является неотъемлемой частью фельетонного мира Волховского, простирающегося в пространстве и во времени. В его фельетонах сосуществуют мир реальный – губернский город Томск, сибирские города, по которым путешествует фельетонист (Ишим, Красноярск и другие), и мир, творимый Волховским по законам сатирической сказки, типологически восходящей к Салтыкову-Щедрину, с одной стороны, а с другой – к «Миргороду» Гоголя. Грань, отделяющая один мир от другого, достаточно условна. В забыты, во сне фельетонист оказывается незаметно для себя в «параллельном мире», где время сжимается или растягивается, вмещающая себя прошлое и будущее, позволяя проживать другие жизни, а про-

странство может деформироваться так, что одним взглядом окидывается вся Сибирь, фельетонист в мгновение ока переносится из одной страны в другую, и т.д. Этот сюжет Волховский использует неоднократно («Путешествие в глубь страны» – 1882, № 47; «Мой тост (и сон, и быль)» – 1883, № 6, и другие фельетоны), и здесь он ориентируется на Гоголя, его «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вия».

В цикле же «Летопись Мирного городка» (1883, № 44; 1884, № 16, 20, 23, 29, 42, 45) фельетонист начинает повествование со вполне реальных фактов, случаев из жизни «Мирного городка». Но постепенно сквозь канву повествования прорастают контуры фантазмагоричного, абсурдного шедринского города Глупова в сибирском варианте. Мирный городок вбирает в себя приметы всех сибирских городов, контуры его размыты и изменчивы, он реален и одновременно иллюзорен. И это позволяет Волховскому вести своеобразную игру с читателем: он описывает жизнь Мирного городка «изнутри» (в цикле «Летопись Мирного городка») – и приводит в Мирный городок героев из параллельного фельетонного цикла «Сибирский музей», так сплетаются две линии. Таким образом, он убеждает читателя в реальности вымышленного Мирного городка, вводит Мирный городок как художественный образ в фельетонный мир.

Необходимо отметить, что в большинстве фельетонов действие происходит все-таки в реальном времени и пространстве, и для читателя «Сибирской газеты», несмотря на изощренность Волховского в «эзоповом языке», и лица, и события, и места действия были хорошо узнаваемы. Фельетоны Волховского «густо населены», здесь действует огромное количество персонажей, как отрицательных (помпадуров, Кондратов, кулаков, червонных валетов и т.д.), так и положительных (друзей фельетониста, его собеседников). Но главное действующее лицо – это сам фельетонист. К разработке этого образа Волховский подходит очень тщательно. Псевдонимы Волховского – «В тиши расцветший василек»¹³ (по замечанию В.А. Доманского, «необычный псевдоним, который мог придумать только поэт»¹⁴), «Фома»¹⁵, «Иван Брут»¹⁶, «Я. Ачинский»¹⁷, «Дядя Федул»¹⁸, «Консерватор»¹⁹, «Простой смертный»²⁰ – это не просто подписи под фельетонами, многим из них соответствует продуманный и выстроенный художественный образ.

Начиная свою фельетонную деятельность как «В тиши расцветший василек», Волховский экспериментирует, пробует сочетания прозы и поэзии, обыгрывает фантастические ситуации, наделяет своего

героя возможностью видеть людей насквозь, ведет классические фельетонные монологи и так далее. Образ фельетониста выстраивается в фельетонах, подписанных этим псевдонимом, контекстуально: он «отзвучив на прекрасное, гневно негодует по поводу социальных пороков, часто приходит в лирический экстаз от увиденного»²¹; из всех фельетонистов «В тиши расцветший василек», наверное, наименее дистанцирован от личности Волховского.

Самый известный фельетонный псевдоним Волховского, ставший фактически его творческим псевдонимом, – «Иван Брут», и это не случайно. В этом образе органично соединились черты литературного героя и фельетониста-рассказчика; Иван Брут наделяется Волховским родословной, но она ведется от литературного персонажа, от Хомя Брута Гоголя («Вий»)²²; биография Ивана Брута – «коренного сибиряка» – не совпадает с биографией Волховского. Таким образом, Иван Брут «отделяется» от Волховского и получает определенную свободу действия в создаваемом Волховским фельетонном мире: он знакомится с людьми, участвует в общественной жизни, ездит по Сибири вне зависимости от реальных действий своего создателя.

Фельетоны «Ивана Брута» – одновременно автора и героя – принципиально диалогичны. Появление новых персонажей: Михея Михеича, Тихона Модестовича и его сына, – создает возможность диалога, и не просто разговора, а споров, обсуждений, высказывания различных точек зрения. Собеседники Ивана Брута обладают собственным мнением, не всегда совпадающим с мнением фельетониста, своим характером, жизненными принципами. Так, Михей Михеич – один из самых интересных фельетонных персонажей Волховского – опытный, повидавший многое на своем веку сибиряк; он предстает в роли наблюдателя, собирателя «человеческих документов», которыми щедро делится с Иваном Брутом. И когда фельетонист жалуется Михею Михеичу на трудности своей профессии («нужно известное настроение, нужен, так сказать, полет фантазии; ты думаешь, легко одевать серьезную мысль в езопово платье?»), собеседник его предлагает опубликовать «подлинные» «человеческие документы», ибо «иная сибирская действительность фантастичнее выдумок самого необузданного воображения!» («Скромные заметки о не всегда скромных предметах (Иван Брут)» – 1883, № 5). Так в фельетонах появляются многочисленные «истории»: «про голову о трех зайцах» – из тетрадки, забытой у Михея Михеича «иерусалимскими гре-

ками» (1883, № 5), «Дуумвират бесстыдства, или Торжество ума над грубостью. Нравоучительная повесть, извлеченная из подлинных происшествий действительной жизни отставным сибирским чиновником Василиском Прожженным» (1883, № 5), «Дневник...» (1883, № 25), рассказы из предполагаемой книги «Наша слава» – «Наилучший способ иметь дешевую и прибыльную прислугу» (Сочинение Александра «В. П-ва») и «Не мытьем, так катаньем. Нравоучительный рассказ» (Сочинение Нерчинского жгутоносца) (1883, № 28), и так далее.

Подробная характеристика дается другому постоянному собеседнику Ивана Брута – Тихону Модестовичу: «Человек он российский и в Сибирь попал не по своей воле. В молодости он отличался особенно живым чувством справедливости, любовью к ближнему и страстным желанием положить предел неправде на любимой родине и эксплуатации одного человека другим. Он жестоко пострадал за это; до того жестоко, что затем, особенно с годами, стал каким-то, словно пришибленным; он не отваживался не только действовать смело, но даже думать» (1883, № 28). Оппонентом Тихона Модестовича выступает сын – «значительно напоминающий его таким, каким он сам был в молодости». Интересно, что Волховский «знакомит» между собой эту пару и Михея Михеича и таким образом дает читателю возможность услышать сразу всех фельетонных персонажей.

Повествование становится многоплановым: свой монолог ведет фельетонист, обращаясь к читателю; фельетонист и фельетонные персонажи разговаривают друг с другом; звучат истории от авторов «человеческих документов», каждая из которых блестяще стилизована Волховским в соответствии с тем, кто именно выступает рассказчиком; и наконец Иван Брут и его собеседники обсуждают прочитанные рукописи.

С Ивана Брута начинается циклизация фельетонов «Сибирской газеты», объединенных образом фельетониста и фельетонными персонажами. Первый цикл, публиковавшийся на протяжении 1883 года, – «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». Параллельно ему ведутся циклы, где принцип циклизации несколько иной, здесь центром и связующим звеном является пространственная точка, город: «Калейдоскоп Омской жизни» (1883), «Омский калейдоскоп» (1883), «Летопись Мирного городка» (1883, 1884). В 1884 году одновременно публикуются «Сибирский музей» Консерватора (1884, 1885) и «Летопись Мирного городка» Я. Ачинского (1883, 1884) –

своеобразным завершением «Летописи...» является фельетон «Три предостережения. Из некрологов Мирного городка» – 1884 год. Это два самостоятельных цикла, однако общие герои, «кочующие» из одного цикла в другой и обратно, общие проблемы позволяют говорить о них как о частях единого фельетонного текста. Главной темой его является Мирный городок; с прекращением «Летописи...» эта тема не исчезает – «мирогородские помпадуры» (Кольчега, Пропиртованный, Заглоткин, Прогонников) вновь обнаруживаются в фельетонах «Циркуляры» (1885, № 7), «Слопали» (1885, № 15), «Весенние наброски» (1885, № 24). Таким образом, эти фельетоны также входят в мегацикл о Мирном городке.

Цикл «Сибирский музей» во многом перекликается со «Скромными заметками о не всегда скромных предметах»: здесь также повествование ведется фельетонистом и его помощником, с включением в текст разнообразных рукописей, басен и других «человеческих документов». Образ помощника в «Сибирском музее» «прорисовывается» постепенно: сначала он появляется просто как «старый корреспондент», который приносит рукопись, («Сибирский музей» – 1884, № 15); затем «врывается» к фельетонисту на правах «старого приятеля, корреспондента с фиолетовым носом, знакомого уже читателям из предыдущего фельетона» («Сибирский музей» – 1884, № 19), и только потом получает имя (Касьян Пафнутьевич Пифагоров) и «общественное положение» – потому, как объясняет Консерватор, что многие читатели уже заинтересовались этим персонажем и хотят выяснить поподробнее, кто он. Эта своеобразная игра с читателем, интрига повышали интерес к фельетону как не просто «обличительному», сатирическому тексту, но и литературному произведению с собственным сюжетом и героями.

Все упоминаемые выше фельетонные циклы несут в себе ярко выраженное игровое начало: это и внутренний сюжет, связанный с действиями фельетонных персонажей, и появление разными способами – фельетонист находит, ему приносят или присылают – «человеческих документов», и включение в текст сатирических стихотворений, сказаний и басен. Циклы Волховского «В толпе», «Сибирские зигзаги» серьезны и публицистичны, они ведутся преимущественно от лица одного фельетониста; трансформация фельетонов Волховского в сторону большей публицистичности продолжается в 1886 году.

Для «Сибирской газеты» как издания литературоцентричного, просветительского был очень важен именно литературный потенци-

ал, заложенный в жанре фельетона, – использование художественной формы позволяло эффективно работать с читателем, в игровой форме, незаметно вовлечь его в обсуждение животрепещущих проблем эпохи. «Сибирская газета» опиралась на традиции сатирических газет 60–70-х годов – «Искры», «Гудка», «Свистка», а в современности видела образцом творчество Салтыкова-Щедрина, являвшегося «мощным источником влияния на всю русскую литературу и публицистику»²³.

Беллетризация фельетонов «Сибирской газеты» происходила на нескольких уровнях: это и введение в прозаический текст стихотворений, и циклизация фельетонов, выстраивание внутреннего сюжета, введение постоянно действующих героев, работа над образом фельетониста. Авторы фельетонов «Сибирской газеты» придавали текстам драматическую, стихотворную форму, в пределах одного фельетона использовали несколько жанров: пародий, «перепевов» (по терминологии И.Г. Ямпольского), басен, стилизаций – под летописи, рассказы и так далее.

Основываясь на документальном, фактическом материале, фельетонисты «Сибирской газеты» подвергали его сатирической и художественной обработке, вводили в общекультурный контекст, сравнивая с ситуациями, описанными в произведениях Гоголя, Салтыкова-Щедрина, с литературными типами, отчего факты, не теряя своей злободневности, актуальности и значимости, приобретали масштабность и влияли на формирование регионального самосознания. Освоение сибирского материала в литературно-публицистических жанрах силами местных, сибирских авторов и русских писателей имело важное значение для эстетического воспитания читателей и приобщения их к общерусскому литературному процессу. Двойственная природа фельетона, его тяготение к литературе проявились в истории «Сибирской газеты» на уровне отделения текста от издания, как это произошло с «новогодним фантастическим рассказом» «Ночь на Новый год» Ивана Брута – Ф.В. Волховского: он был опубликован в «Сибирской газете» в 1884 году, № 1, а затем выпущен отдельным изданием в Томске в 1885 году с подзаголовком «сказка».

Кроме того, в процессе изучения творчества Волховского обнаружилось, что фельетон «С Новым годом!», опубликованный в «Сибирской газете» в 1883 году, № 1, в действительности – только часть довольно объемного текста. Полностью он был опубликован в сборнике «Ракеты» («Сказки для детей совершенного возраста»), выпу-

щенном Волховским в 1913 году в Париже. На титульном листе автор указан как «Ф. Волховский («Иван Брут»))». Сказка «На грани лет» из этого сборника и представляет полный текст фельетона «С новым годом!». В предисловии к сборнику Волховский пишет: «Первая половина рассказа была напечатана, как новогодний фельетон в № 1-м “Сибирской газеты” (издававшейся в Томске) за 1883 год; окончание ее редакция не решилась поместить из опасения цензурных репрессий. В той же газете появилась и “Ночь на Новый год” (потом отпечатанная отдельно²⁴). Обе сказки помещены в настоящем томике без всяких, в сущности, изменений»²⁵.

В материале, опубликованном в «Сибирской газете», сюжет разворачивается следующим образом: Иван Брут случайно оказался в лесу в тот момент, когда страна переходит из одного года в другой. Злые силы, «нечисть» также стремятся перешагнуть рубеж лет, но в последний момент у них обнаруживается нехватка, не хватает одной единицы до «числа зверя», 666. Нечистая сила бросается на поиски недостающего звена, в результате обнаруживает Ивана Брута – но слишком поздно – и не успевает перейти в новый год.

Фельетон дает богатый материал для размышлений о переплетении народнического и областнического мировоззрений в «Сибирской газете», объединившей представителей и того, и другого направления. Центральной фигурой здесь является Сибирь, представшая перед героем фельетона в образе «величественной женщины поразительной красоты»: «Черты ее лица были суровы, но в глаза светилась доброта. Подол ее платья был, спереди и сбоку, окаймлен обивкой цвета морской воды; роскошные голубые ленты опоясывали ее и, словно гигантские реки, сбегали волнистыми полосами вниз. Голову венчала прелестная диадема, походившая очертаниями на профиль Алтая, по середине которой переливался всеми цветами радуги громадный опал, словно большое озеро. Ожерелье из всех горных пород Урала украшало ее шею» (СГ, 1883, № 1). Эта поэтизация образа Сибири была очень характерна для областников (здесь можно вспомнить, например, название фельетона Н.М. Ядринцева «Спящая красавица»²⁶, где речь также идет о Сибири).

В то же время в фельетоне Волховского красавица-Сибирь опирается на щит с социалистическими девизами: «Братья, возлюбим друг друга», «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» и «Орудия производства принадлежат трудящимся», а на ободке щита красуется надпись: «Знание – свет, невежество – тьма».

Сравнение материала, опубликованного в «Сибирской газете», и сказки в сборнике «Ракеты» позволяет сделать вывод о том, что редакция в 1880-х годах выбросила из материала огромный кусок, посвященный «искушению» Ивана Брута: он попадает на бал, на котором встречает девушку своей мечты, и для того, чтобы стать счастливым, не хватает самой малости – «отречься от своих убеждений». Поскольку Иван Брут не поддается соблазну устроить свое личное счастье, его пытаются запугать, бросают в тюрьму, он слышит плач своего ребенка, и в полном отчаянии, с помощью волшебного ножа, он вновь оказывается в новогоднем лесу, а здесь нечисть, увлеченная Иваном Брутом, забывает о времени и, как и в первом варианте, не успевает перейти в 1883 год. Образ тюрьмы (а не ссылки, как это характерно для поэтики сибирских произведений), появление термина «убеждения», являющееся, как правило, синонимом «социалистические идеи», противопоставление высшего света и страдающего народа – все это показывает верность Волховского народническому направлению, ничуть не измененному ссылкой. Освоенный сибирский материал вошел в творчество Волховского на правах дополнения, а не замещения, он разнообразил систему образов писателя, воплотился в новых жанрах. Однако по сути мировоззрение Волховского не изменилось.

Учитывая этот момент, можно предположить даже, что редакция не стала печатать весь текст фельетона не столько по «цензурным соображениям», сколько исходя из разных задач, стоящих перед автором и перед газетой. На первом плане в сказке «На грани лет» – судьба революционера-народника, а появление красавицы-Сибири – только эпизод, завязка всего действия. Областнически ориентированной «Сибирской газете» было, конечно, важно несколько поменять акценты.

Таким образом, фельетоны «Сибирской газеты» предоставляют богатый материал для исследования взаимодействия литературы и публицистики в этом универсальном, «фронтирном» газетном жанре.

¹ См., например: *Журбина Е.И.* Искусство фельетона. М., 1965. 287 с.; *Она же.* Повесть с двумя сюжетами. О публицистической прозе. М., 1979. 376 с.; *Михайлова Л.* Поэтика фельетонного образа // Труды Киргизского университета. Филологические науки. Фрунзе, 1972. Вып. 17. Сер. Вопросы поэтики. С. 72–79; *Сухомлин Е.Г.* У истоков русского фельетона (о фельетонах А.И. Герцена 1840-х годов) // Вопросы русской литературы. Львов, 1975. Вып. 1 (25). С. 57–63; и др. работы.

² См., например: *Корнеев А.В., Шахматов Б.М.* Волховский Феликс Вадимович // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 477-479; и др.

³ Например, в рамках общих работ по изучению писателей и поэтов-народников: Поэты революционного народничества. Л., 1967; Поэты-демократы 1870-1880-х годов. Л., 1968; *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. 177 с.; и др.

⁴ *Роцевская Л.П.* Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень, 1966. С. 51-69; *Она же.* Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы: Научные труды Тюменского госуниверситета. 1975. № 14. С. 84-95; и др.

⁵ *Доманский В.А.* Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147-167; *Круссер Р.Г.* Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72-79.

⁶ Например, *Ямпольский И.Г.* К библиографии Ф.В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета. № 349. Сер. Филол. наук. Вып. 4. Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184-190; *Блюм А.* Запрещенная книга сибирского журналиста // Сибирские огни. 1965. № 12. С. 156-158.

⁷ В частности, в письме к В.Г. Короленко от 17 августа 1887 года Волховский просит узнать о судьбе рассказа «Нашла коса на камень», который был послан в журнал «Северный вестник»; в письме от 16 ноября 1887 года говорит о том, что он посылал для журналов «Родник», «Северный вестник» и «Русская мысль» свои сказки «Как Петушок-Красный-Гребешок за правду постоял», 10 детских стихотворений и другие произведения для детей // Рукописный отдел РГБ. Ф. 135/II. 20.52. 29 лл.

⁸ *Доманский В.А.* Указ. соч. С. 154.

⁹ *Роцевская Л.П.* Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» С. 86.

¹⁰ *Корнеев А.В., Шахматов Б.М.* Волховский Ф.В. // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 478.

¹¹ Заявление Волховского в Литературный фонд, находящееся в делах Литературного фонда в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (1881, ч. 2, л. 43-45 об, заседание Комитета от 20 августа 1888 г.) – опубликовано: *Ямпольский И.Г.* К библиографии Ф.В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета. № 349. Сер. филол. науки. Л., 1971. Вып. 4. Русская литература и народничество. С. 184-190.

¹² Например, в фельетонах: «Путешествие в глубь страны» 1882, № 47; «С Новым годом! (новогодняя сказка вместо фельетона)», 1883, № 1; из цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах», 1883, № 28; «Циркуляры (набросок с натуры)», 1885, № 7; «Маскарад (новогодняя фантазия)», 1888, № 1.

¹³ «Нечто о сезоне и прочем», 1882, № 42; «Еще о сезоне», 1882, № 45; «Путешествие в глубь страны», 1882, № 47; «Пребуд праздниками», 1882, № 51.

¹⁴ *Доманский В.А.* Указ. соч. С. 154.

¹⁵ «Письма с ярмарки», 1882, № 50-52; «Мой тост (и сон, и бль)», 1883, № 6.

¹⁶ «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)», 1883, № 1; «Скромные заметки о не всегда скромных предметах», 1883, № 5, 9, 12, 16, 19, 23, 25, 28, 35, 37, 39, 42, 45; «Ночь на Новый год (новогодний фантастический рассказ)», 1884, № 1; «На арене прогресса» 1888, № 9; «В области спиритизма» 1888, №15; «Пост и масле-

ница», 1888, № 20; «Весна идет», 1888, № 24; «Дешевка», 1888, № 34; «Вейния», 1888, № 38.

¹⁷ «Летопись мирного городка», 1883, № 44; 1884, № 16, 20, 23, 29, 42, 45.

¹⁸ «Сибирский раек», 1883, № 52; 1884, № 4.

¹⁹ «Сибирский музей», 1884, № 12, 15, 19, 22, 25, 28; 1885, № 1; 1885, № 3, 5, 9, 11, 17, 21, 35.

²⁰ «В толпе», 1885, № 42, 47, 50; 1886, № 4, 9, 13, 18, 20, 22, 24, 29, 31, 33, 35, 39, 41, 44, 48; «Отовсюду», 1888, № 22, 41, 48.

²¹ *Доманский В.А.* Указ. соч. С. 154.

²² «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)», 1883, № 1.

²³ *Журбина Е.* Искусство фельетона. М., 1965. С. 13.

²⁴ *Брут Иван.* Ночь на новый год: Сказка. Томск, 1885.

²⁵ *Волховский Ф.В.* К другу-читателю // Волховский Ф. (Иван Брут) Ракеты. Париж. 1913. С. III.

²⁶ Сибирский репортер (псевдоним Н.М. Ядринцева) «Спящая красавица» // Восточное обозрение. 1882. № 6.

BETWEEN LITERATURE AND JOURNALISTIC: ARTICLES OF F.V. VOLHOVSKI IN «SIBERIAN NEWSPAPER»

N.V. Zhilyakova
Tomsk State University

The article is devoted to peculiarities of articles of F. Volhovski in the period of his collaboration with Tomsk edition – «Siberian Newspaper» (1881–1888). An article in Russian press is placed between literature and publicistic kinds of creation. Due to literature talent of Volhovski as a writer of articles the provincial newspaper had drawn a reader to discussion of actual problems of the century, allowed to affect social important subjects, to criticize and to estimate events and to evade censorship with receptions of «Esop's language».